ВПЕРЕДИ ВЕЧНОСТЬ
ТОМ 1
Ждите событий
Александр Бачило
Steam House
CHARLOTTE
STEAM MACHINE

Впереди вечность

Александр Бачило

Ждите событий

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Бачило А.

Ждите событий / А. Бачило — «Мультимедийное издательство Стрельбицкого», — (Впереди вечность)

Представлять читателю произведения Александра Бачило – дело неблагодарное. Большинству любителей фантастики это имя уже наверняка известно и без наших аннотаций. Так что, дорогие неопытные и начинающие любители фантастики, эти слова, прежде всего, для вас. Вы держите в руках первый том серии «Впереди вечность». Вам можно позавидовать – с этого тома под названием «Ждите событий» вы начинаете своё знакомство с творчеством настоящего и уникального мэтра современной фантастики. И интереснейшие события вам здесь гарантированы.Вот, например, знаменитая вещь «Помочь можно живым». Где попытки маленького человеческого племени любой ценой выжить в страшных первобытных условиях среди свирепых и страшных хищников, на самом деле оказываются не делом далеко минувших дней, а вполне вероятным нашим с вами будущим. Постапокалиптическим будущим, где не от кого ждать помощи горстке уцелевших людей. Но помощь всё-таки возможна. Если не побояться сделать шаг в неизвестность...Или фантасмагорический «Московский охотник». Когда простая попытка купить пивка в уличном киоске вдруг оборачивается охотничьей ловушкой. Только охотятся здесь уже на вас самих. И выбраться из такой передряги будет не просто сложно, а катастрофически сложно…К слову сказать, дорогие любители фантастики, в этот сборник вошли как старые, знаменитые вещи современного классика Александра Бачило, так и совершенно новые, ранее ещё не издававшиеся. И пока вы теряете время на чтение этой самой аннотации, более опытные фантастикофилы, уже полным ходом их читают.

© Бачило А.
© Мультимедийное издательство Стрельбицкого

Содержание

Приправа 6
1 6
2 8
3 9
4 10
5 11
6 13
7 15
8 17
9 18
Московский охотник 19
Конец ознакомительного фрагмента. 30

Александр Бачило
Ждите событий

Приправа

1

В ночь на двенадцатое апреля поселок не спал, хотя от Старосты был строгий приказ – по ночам спать, по улицам не шататься, огня не зажигать и бани не топить. Но разве уснешь, когда такой свет в небе? Далеко-далеко за бугристой пеной леса ходили изжелта-зеленые зарева, разгорались белым, как на восход Светила, и угасали, пуская в зенит искры, вроде метеоров. Староста и сам загляделся, даже ругаться забыл. Озадаченно чесал в затылке.

– Должно быть, празднуют… – вывел в конце концов, но неуверенно, в бороду – вроде как бы и не говорил.

Однако Белка все равно услышала.

– А какой нынче праздник? – звонко спросила она. – Яйцеклад?

– Цыц, дуреха! – рассердился Староста. – Который день живешь – церковных праздников не выучила! Не дай Бог, при городских такое ляпнешь! Сразу все про тебя поймут!

– Двенадцатое апреля – День Космонавтика! – заученно протараторил Магога-дурачок.

Он прятался от Старосты за чужим плетнем, но никак не мог утерпеть – высунул патлатую головенку рядом с таким же патлатым кустом крыжабника и доложил по всей науке:

– Новый космонавтик нарождается, а старый улетает на покой, к Земле!

Староста хотел было ухватить его за вихры да наградить разом – и за доклад, и за крыжабник, но тут под ногами вдруг дрогнуло, издали прикатился тяжелый гул. Джунгли ответили на него хором испуганных голосов.

– Гляди-тко! – крикнул на всю улицу Бурило-мастер, тыча пальцем в небо.

Лица разом задрались кверху и осветились багрянцем. Из мохнатой тучи, повисшей над поселком, вынырнул остроносый гироплан и, оставляя дымный след с прожилками огня, понесся к земле.

– Гробанется сейчас! – уверенно сказал кто-то.

– Факт, гробанется! – загомонили высыпавшие из хат старатели. – Шестопером ему в самые дюзеля прилетело!

Гироплан дернулся раз – другой, выправился было над плаунами, но снова беспомощно клюнул носом и окончательно исчез за кромкой леса. Недолго спустя земля опять дрогнула, принесло эхо взрыва, джунгли разорались с новой силой. И сейчас же низко, на бреющем, едва не цепляя орудиями верхушки деревьев, прошли, освещенные заревом, три полицейских крейсера.

Староста долго молчал, потом сипло прокашлялся.

– Нет, – сказал он уверенно. – Не празднуют. Бунтуют опять.

Обвел хмурым взглядом кучкующийся у калиток народ.

– Ну, чего рты раззявили? По домам расходитесь! Не вашего ума это дело!

Селяне, тихо толкуя, двинулись к своим хаткам.

– Ну, жди теперь облавы да обыска. Последнее отберут!

– Приправу подальше перепрятать…

– Всем спать! – подгонял в спины Староста. – Завтра чтоб ни одной зевающей рожи на прииске!

Но спать в эту ночь так и не пришлось. До утра небо над поселком бороздили полицейские крейсера, заливая улицы, огороды и старые шурфы на окраине нестерпимо ярким светом прожекторов. В лесу что-то трещало, визжало и ухало, оттуда тянуло дымком и злой химической кислятиной – видно кого-то выкуривали из чащи.

А на рассвете, когда косматое от протуберанцев Светило полезло из-за холмов, выбеляя рассохшиеся стены хат, в поселке появился чужак. Он пришел со стороны леса, опасливо жался в тени крыжабников и все поглядывал на небо. На нем был синий, с белым номером на спине, комбинезон штрафника, весь в дырах, подпалинах и пятнах от злой ягоды.

Старатели, собравшиеся у колодца перед выходом на смену, еще сонно почесывались и зевали во всю пасть, несмотря на предупреждение Старосты, когда чужак вдруг вынырнул из тени, и, кивнув на дымный столб, поднимавшийся над лесом, прохрипел:

– Это ищут меня…

2

«Приправа! Не только новый вкус традиционных блюд. Приправа! Не только уникальный комплекс витаминов и микроэлементов. Приправа! Глоток бессмертия, дарованный нам Вселенной! Чаша Грааля в твоей руке! Поправь жизнь Приправой!»

Лех закрыл сайт, поставив на него чашку. Стол-газета погас.

– Какой смысл рекламировать то, что и так идет нарасхват?

Полковник, шеф местной полиции ответил тонкой улыбкой.

– Это у вас на Земле. А здесь еще нужно найти солидного покупателя. Всякому хочется торговать бессмертием по земным ценам!

Лех встал из-за стола, уронив салфетку, подошел к иллюминатору. За бортом крейсера медленно проползал ковер желто-бурых древесных крон. Только у самого горизонта поднимался столб дыма.

– Из-за этого и бунтуют?

Вместо ответа полковник сделал хороший глоток из бокала со льдом и зажмурился сладко, как кот.

– М-м! Забытый вкус!

Он приоткрыл один глаз и заговорщицки посмотрел на Леха.

– А вы знаете, чем подмаслить старика! Спасибо за подарок… Хорошего виски теперь не достать.

Полковнику нравилось, что земной представитель не строит из себя начальство. Чин, наверное, не Бог весть, молод еще. Вот пускай и послушает знающего человека…

– Я вообще считаю, – продолжал шеф полиции, – что Земля действует на нас разлагающе. А мы, наивные, покупаемся. Пока здесь не пахло Приправой, колония жила тише воды, ниже плаунов. У нас было правительство, была полиция, даже армия – чуть-чуть. Теперь нет ни того, ни другого, ни третьего. Есть, предатели, вроде меня, вступившие в сделку с Землей, чтобы продавать ей Приправу, а есть патриоты, борющиеся за право… делать то же самое.

– А старатели? – спросил Лех, заметив внизу гроздь облепивших склон холма крыш и рыжие конусы вынутой породы, вроде кротовых куч.

– Старателям нет до нас дела, – полковник взял бутылку и налил себе еще полстаканчика. – Их, по-моему, не очень интересуют наши деньги. Лишь бы лопаты подвозили.

– Впервые слышу о людях, которых не интересуют деньги, – ухмыльнулся Лех.

– А зачем им? Они и так живут вечно.

Тень крейсера упала на крыши домиков. Лех увидел, как по-муравьиному засуетилась внизу толпа сельчан. Единственная улица поселка мгновенно опустела.

– Уж очень они пугливы для бессмертных, – скривился он.

– Вечная жизнь – это вечный страх смерти! – философски заметил полковник. – Бессмертные боятся случайной гибели гораздо сильнее, чем остальные люди.

3

– В общем так, – сразу заявил Староста. – Вы, мужики, делайте с ним, что хотите. А я ничего не видел и ничего не знаю!

Он решительно нахлобучил шапку и, протолкавшись сквозь толпу старателей, выскочил из избы.

– Переживает, – сочувственно вздохнул Бурило-мастер. – Со Старосты-то первого спросят…

Беглый штрафник, сидя на лавке, с беспокойством переводил взгляд с одного бородатого лица на другое. Иногда болезненно потирал распухшее плечо.

– Помогите, мужики, – попросил человечно. – Мы ж за вас погибали… Понавезут с Земли тракторов, лес сведут, заводы поставят, драги – приправу ковшами черпать. По миру пойдете!

– Это так, да… – кряхтели старатели.

– А у нас – организация! – убеждал беглый. – Независимость колонии – дело посильное! Главное – первую волну отбить, да своих предателей перевешать! Заживем, как прежде, вся приправа – наша! Каждому на тыщу лет хватит! А поймают, – добавил он тихо, – мне кирдык. Даже судить не станут.

– И это верно, – кивали, осторожно переглядываясь. – Так что решим, мужики?

Бурило-мастер подсел к гостю, покрутил седеющей головой, похлопал себя по колену, собираясь с мыслями.

– Ну, что тебе сказать, парень, – начал, не торопясь. – Помирать кому охота? Это мы понимаем. Только и ты нас пойми. Здесь тебя прятать негде. Все равно найдут. А в лесу – Макабра бродит, от нее не убежишь. Троих старателей потеряли, года не прошло. Под самый тын, бывает, выползает, стерва! Скажи спасибо, что до нас живой дошел. Это прямо угольком в печке записать такое чудо! Вот и прикинь…

Помолчали, повесив головы.

– А если на новую заимку? – прозвенел вдруг девичий голос. – Там же заграда хороша!

Бурило-мастер вздрогнул, вскочил с лавки и, запустив руку в толпу, вытянул на свет Белку.

– Тебя кто пустил, цокотуха?! Твоя она, заимка – рассказывать, кому попало?!

Может, и по шее бы дал, да тесно было, не развернуться. Белка, растерянно хлопая глазами, озиралась по сторонам.

– Так я думала, вы правда, помочь хотите!

– Думала она! – Бурило-мастер встретился взглядом с беглецом и поспешно отвернулся. – А ты плауны корчевала?! – еще злее напустился он на Белку, – заграду строила?! Шурфы копала?! Распоряжаешься тут!

Старатели загомонили.

– Верно! Ишь, как распорядилась – помочь! Чужим-то добром – все помощники! Свою заимку устрой – туда и води, кого хошь!

– Ну и отведу! – обиделась Белка. – У нас с батей деляночка есть – получше вашей заимки!

Она толкнула беглого в плечо.

– Пошли, что ли. Чего с ними разговаривать!

И уже в дверях обернулась:

– А вы – жадные! Макабра-то все видит!

Старатели так и обмерли.

4

– Им есть чего бояться, поверьте! – полковник со стаканом в руке подошел к Леху, уткнувшемуся лбом в стекло иллюминатора.

Внизу проползла очередная деревушка старателей, и снова под самое брюхо крейсера поднялись ноздреватые кроны.

– Чтобы жить вечно, – продолжал философствовать шеф полиции, – нужно вечно добывать Приправу. А за ней приходится идти в джунгли. Это только на Земле думают, что единственная местная проблема – повстанцы. На самом деле главная война идет между старателями и джунглями.

– Ну да, – усмехнулся Лех. – Макабра…

– Вот именно, Макабра. Вы что-нибудь о ней знаете?

Лех пожал плечами.

– Что-то слышал. Но не встречал ни одного человека, который видел бы ее своими глазами.

– И не встретите, – заверил полковник. – Она живых не оставляет. До сих пор толком неизвестно, что это такое. Не то симбиоз червей, не то одна гигантская амеба, не то вообще – сгусток энергии. Но пожирает старателей за милую душу. Оттого-то до сих пор не налажена промышленная добыча Приправы.

– Земля наладит, – уверенно сказал представитель. – Вы ведь знаете, какие там цены на Приправу. Главное – подавить партизанское сопротивление. И найти этого беглого. Он – очень важен.

– Это будет не так-то просто, – полковник вернулся к столу, повертел в руках бутылку, борясь с желанием плеснуть еще порцию, но преодолел.

– Разве в тюрьме ему не вживили радиомаяк? – спросил Лех.

– В джунглях маяки не работают, – пояснил полковник. – Искать придется вслепую.

– То есть как, не работают? – удивился Лех. – Почему?

– А черт его знает! – шеф полиции развязно подмигнул представителю. – Старатели говорят, Макабра радиоволны глотает. Она, дескать, все наши переговоры слышит!

И он от души расхохотался.

5

– Тебя как звать-то? – спросил беглый.

– Меня-то? Белка, – ответила девчонка, перепрыгнув через корягу.

Грязь брызнула во все стороны из-под ее босых пяток. Беглый поморщился, заслоняя лицо.

– А тебя? – спросила Белка.

– Миро. Кхм… Мирослав.

– Ну-ну, – Белка сорвала с куста гроздь синих ягод и, отделив половину, сунула в рот. – Хочешь?

– Нет, спасибо.

– Что-то ты, Миро, совсем на тюремного не похож…

– А ты много тюремных видела? – улыбнулся он.

– А мне и видеть не надо, – заявила Белка. – Я рассуждаю логически.

– Как-как?! – он посмотрел на нее с удивлением. – Ты где таких слов набралась?

– У одного полковника… – Белка дернула костлявым плечиком. – Неважно! Тюремные, особенно которые беглые, они сроду голодные. А ты будто пообедал перед тем, как к нам в поселок попал.

Миро перестал улыбаться.

– Ты прекрасно знаешь, как я к вам попал. Бежал, угнал гироплан, да его подбили. Еле успел катапультироваться! Приземлился в лесу…

– Ну да, – покивала Белка. – Азимут на поселок взял еще в небе, когда падал. Потом по компасу…

– Да, взял, да, по компасу! – рассердился Мирослав. – Что за допрос?!

– Прямо чудо какое-то, – вздохнула Белка. – Компас-то в лесу не действует. А там, где твой гироплан упал, топи непроходимые…

– Слушай, устал я с тобой болтать! – Мирослав отвернулся. – Когда мы уже на делянку придем?

Белка вдруг рассмеялась.

– Так пришли, чо! – она ткнула пальцем под ноги. – Смотри, в шурф не свались!

Только теперь Мирослав заметил, что стоит на куче мягкой рыжей земли, вынутой из небольшой прямоугольной ямки в полтора штыка глубиной. Вторая такая же ямка виднелась чуть поодаль, третья – еще дальше, а за ней сквозь зыбкую стену зарослей проступила стена хижины, сложенная из сухих хвощей, переплетенных лианой-липучкой.

Но Мирослав не смотрел на хижину. Он глаз не мог оторвать от свежевырытых старательских шурфов.

– И что, – спросил он тихо, – вот в таких ямках можно найти Приправу?

– А чего ж не найти? Мы с батей нарыли кое-что, – Белка лукаво прищурилась. – Не веришь?

Она подбежала к замшелому стволу папоротника, сунула руку в сплетение корней, вынула на свет увесистый полотняный мешочек, распустила тесемку, стягивающую горловину, и высыпала на ладонь целую горсть бурых, с золотистым отливом, комочков..

– На, смотри!

У беглого штрафника перехватило дыхание.

– Это… настоящая Приправа?!

Белка рассмеялась.

– Попробуй, узнаешь!

Дрожащими пальцами он схватил щепоть комочков и отправил в рот. Затем резко наклонился и вылизал до крошки Белкину ладонь. Она! Она! Настоящая! От сладкого дурмана у него закружилась голова. Сколько же было в этой дозе?! Лет на тысячу! Да! Он сразу узнал этот вкус, хотя раньше только раз в жизни пробовал микродозу приправы… Когда проходил подготовку у Леха.

6

Сверля воздух и вздымая пыль реактивными струями, крейсер шефа полиции опустился посреди единственной улицы поселка. Еле втиснулся меж хатами, сдул плетни, как не бывало, а пышные кусты крыжабника, усыпанные спелыми ягодами, превратил в голые, как обглоданная кость, бодылья. Два других крейсера еще раньше плюхнулись в начале и в конце улицы. Солдаты уже выгнали жителей из хат и построили в шеренгу вдоль дороги на старый прииск. Старосту без уважения запихнули в тот же строй, наставили карабины, велели не шевелиться.

Полковник в сопровождении представителя Земли спустился по трапу, нетвердой походкой прошествовал вдоль строя, подошел к лейтенанту в армейской каске и, дыхнув перегаром, спросил:

– Молчат?

– Так точно, господин полковник, молчат!

– Хаты, погреба обыскали? Шахты на прииске?

– Заканчиваем досмотр. Пока ничего.

Полковник двинулся вдоль строя в обратную сторону. Лех стоял в сторонке и курил, наблюдая за ним с равнодушным видом.

Полковник остановился перед Старостой.

– Ты что же, сукин сын, круговую поруку тут завел?!

Староста хмуро смотрел ему под ноги.

– Не могу знать, господин начальник. Мы люди деревенские…

– Что ж вы, люди деревенские, – взъярился полковник, – государственного преступника укрываете?! Где он прячется? Отвечать!

Старатели угрюмо перетаптывались, но молчали. Полковник подошел к Леху.

– Ничего не скажут. Я это злоупорное племя знаю.

– Что ж, – с сожалением кивнул Лех. – Очень жаль…

Он обвел взглядом строй, потом вдруг вынул из кармана пистолет и выстрелил, не целясь. Староста с черной дырой во лбу медленно завалился на спину. Старатели отпрянули было, но солдаты прикладами в спины вернули их на место.

– Вот такие дела, граждане бессмертные, – спокойно сказал Лех, приближаясь к строю. – Патронов мне не жалко, на всех хватит, – он щелкнул пистолетом, взводя курок. – Жалко, что столько Приправы даром пропадет. Наверняка ведь вы ее за обе щеки лопали! Сколько породы перерыли! Сколько тайных приисков в лесу завели! Какие жилы богатые нашли! А получается, все не впрок… Ну, кто следующий? На меня смотреть! Ты?!

Он подошел к пожилому старателю, едва доходившему ростом до плеча соседа. На загорелой лысине старика проступили капли пота. Лех поднял пистолет.

– Не надо! – вдруг глухо раздалось с другого конца строя. – Я отведу.

Лех живо повернулся на голос.

– Кто сказал? Выходи!

Вперед шагнул рослый широкоплечий мужик с черной, как смоль, бородой.

– Батя, ты что?! Не надо! – белобрысая девчонка вцепилась ему в рукав. – Не пущу!

– Отстань, Белка! – отмахнулся он. – После поговорим!

– Как зовут? – спросил Лех, приближаясь.

– Бирюк.

– Знаешь, где беглый?

Бирюк покосился на старателей.

– На делянке. Дочка отвела, пожалела.

– Предатель! – взвизгнула Белка, налетев на него со спины, била кулачишками в спину, царапалась, пыталась даже укусить, пока, солдаты ее не оттащили. Бирюк и не обернулся.

– Оставьте девчонку, – глухо произнес он. – Сказал – покажу.

– Очень хорошо, – Лех спрятал пистолет и вернулся к полковнику, застывшему неподвижно еще в тот момент, когда раздался выстрел. – А вы говорили, что это будет непросто! Выдвигаемся пешим порядком. Думаю, одного взвода будет достаточно, даже если мы встретим Макабру.

От его любезной улыбки по спине шефа полиции пробежала дрожь.

– Нет, спасибо, – полковник сглотнул всухую. – П-позвольте мне координировать операцию отсюда. Во избежание враждебных действий населения…

– Глотните-ка вискаря, полковник! – презрительно усмехнулся Лех. – Да! И вот еще что…

Он жестом подозвал Бирюка.

– Я внимательно изучал легенды, мифы и прочие исторические анекдоты. Так что надуть меня, господин Сусанин, вам не удастся. Короче: твоя дочь идет с нами!

7

Джунгли оказались вовсе не такими уж непроходимыми, как про них врали. Взвод бодрым шагом двигался сухой тропой вслед за Бирюком. Только Белке пришлось связать руки, чтоб не царапалась, и приставить к ней рядового Прохазку, который подгонял ее прикладом. Идти рядом с отцом она наотрез отказалась и тянулась в хвосте отряда, тихо всхлипывая. Бирюк тоже молчал, время от времени чутко прислушиваясь к лесным звукам. Лех решил не отвлекать его вопросами, но на всякий случай шел в трех шагах позади, повесив на плечо автомат.

По обеим сторонам тропы тянулась бесконечная колоннада толстых, в три обхвата, стволов. Под ними извивались мохнатые, щетинистые плауны, распространяя одуряющий аптечный запах и создавая зеленоватый полумрак.

Неожиданно откуда-то из глубины леса послышался сухой треск валежника, короткий, задушенный вопль, а затем глубокий сытый вздох. Показалось даже, будто за деревьями прошла вразвалочку крупная тяжелая туша. И снова наступила тишина.

– Что это? – шепотом спросил Лех, нагнав Бирюка.

– Кто ж его знает, – пожал плечами бородач. – Может, и Макабра…

– А ты ее видел?

– Может, и видел. Мало ли что тут увидишь. Иной раз сам себя со стороны видишь. Чего хочешь, то и думай…

Лех сердито прокашлялся.

– Вот только не надо врать мне! Маленькая ложь рождает большое недоверие!

Бирюк ничего не ответил и зашагал дальше. Лех, озираясь и держа автомат наизготовку, пошел за ним, а за Лехом двинулся и весь взвод.

– Ну, чего встала? Топай! – рядовой Прохазка толкнул Белку в спину.

– А повежливей нельзя? – огрызнулась девчонка. – Мужчина называется!

Связанные за спиной руки придавали ей мятежный, непокорный вид.

– Поговори мне, деревня! – взъярился рядовой. – Шагом марш, живо!

– Не могу! – Белка упрямо мотнула головой. – Шнурок развязался!

Прохазка с недоумением уставился на ее босые, в царапинах, ноги.

– Да не у меня! – Белка презрительно скривилась. – У вас, господин младший ефрейтор!

Рядовой быстро глянул на свои ботинки и с удивлением обнаружил, что один шнурок действительно ухитрился выскочить из самозатягивающей клипсы и некрасиво тянется по земле.

– А, чтоб тебя!

Прохазка наклонился, чтобы поправить шнурок, и тут вдруг заметил, что голенище ботинка вспучилось так, будто там спрятана добрая фляжка бренди. Только странная это была фляжка – заметно пульсировала и шевелилась в ботинке. Рядовому показалось даже, что он чувствует покалывание множества коготков, впившихся в его ногу.

Облившись холодным потом, Прохазка рванул клипсу, другую, раздвинул кевларовые щитки голенища и, усевшись на тропу, потянул обеими руками ботинок с ноги. Тот подался неожиданно легко, но вместо косолапой лодыжки Прохазки, из голенища, как из гнилого яблока, поползла на свет мохнатая, толщиной с полено, гусеница, черная, в оранжевых пятнах. Она извивалась, сворачивалась в кольца, и при этом не переставала работать циркулярными пилами челюстей, перемалывая онемевшую ногу рядового уже выше щиколотки.

Прохазка тоненько завизжал, повалился на спину, отчаянно дрыгая ногой. Он звал на помощь, но никто ему не помог. Он был один в лесу, если не считать черных мохнатых гусе-

ниц с рыжими пятнами, кинувшихся со всех сторон на крик. Спасения не было. Тогда, подняв трясущейся рукой автомат, Прохазка стал поливать гусениц пулями из обедненного урана. При попаданиях из гусениц летели кровавые брызги, но силы были явно неравны. Рядовому удалось расстрелять два десятка мохнатых тварей, когда он понял, что патроны кончаются. Последнюю пулю Прохазка выпустил себе в рот.

8

Полковник из угла в угол мерил шагами свою каюту, не в силах унять колотивший его озноб. А этот господин представитель с Земли, оказывается, страшненький тип! Как он Старосту – от пояса, не целясь – и прямо в лоб! Да черт с ним, со Старостой! Что-то совсем другое поразило полковника в самый момент выстрела…

А что, если мы все им не нужны?! Этак ведь и меня когда-нибудь – в лоб, как Старосту…

Снаружи, с улицы, посреди которой был припаркован крейсер, послышался окрик часового:

– Стой! Куда прешь, шальная?!

И сейчас же его перекрыл звонкий девичий голосок:

– Господин полковник! Господин полковник! У меня важное сообщение от господина Леха!

Полковник осторожно выглянул в люк. Часовой у входа безуспешно пытался отогнать ту самую девчонку, что ушла с группой Леха.

– Что? Что случилось? – с тревогой спросил шеф полиции. – Поймали беглого?

– Ой, господин полковник! Ну, вы шутник! – верещала девчонка. – Чего его ловить-то, когда он… ну, я, может сейчас вам государственную тайну открою, только все уже и так знают! Беглого-то сам господин Лех послал. Они сейчас вместе Приправу на заимке взвешивают, скоро придут!

Вот тебе раз, подумал полковник. А ведь это, пожалуй, правда! Очень на господина Леха похоже! Ох, непрост представитель! Ох, сволочь, непрост! И чин у него, наверняка, повыше моего… Но почему об этом рассказывает девчонка?!

– Господин Лех вам гостинец прислал! – продолжала голосить она. – Вот, смотрите! Приправа! Полный мешок! Засланный только немного отъел!

Продолжая трещать, она высыпала на ладонь золотистую горсть. Часовой уронил автомат и уставился на Приправу во все глаза.

– Попробуйте, господин, полковник! И ты, служивый отведай! У нас на заимке приправа – лучшая!

Жуткое ледяное предчувствие вдруг пронзило полковника, заставило попятится в ужасе.

– Нет! Не надо! Я не хочу! Не пускать!!! – он хотел было захлопнуть люк, но снаружи его распахнула чья-то сильная рука. Мертвый Староста с черной дырой во лбу шагнул в каюту и протянул полковнику полную горсть Приправы.

– Нет уж, жри! – рявкнул он. – Требовал – получи!

И ароматные золотистые комочки захрустели на зубах шефа полиции…

9

Лех, с трудом вытягивая ноги из трясины, кое-как добрел до островка посреди болота и без сил повалился на землю. Что произошло?! Последнее, что он помнил – как рядовой Прохазка в несколько точных очередей положил весь взвод. Лех чудом спасся, петляя, как заяц, меж стволов. Ему казалось, что Прохазка с торжествующим ревом бежит за ним по пятам и лупит очередями все ближе… Лех оступился, полетел в какую-то яму, упал, перевернувшись через голову, и едва не уткнулся носом в огромную, многоногую, шевелящуюся на дне ямы тушу. Но самое страшное заключалось в том, что у этой туши было человеческое лицо. Ужасно знакомое. Его, Леха, лицо! Бред…

– Еще бы не бред, – сказала над самым ухом Белка. – Кому расскажи – засмеют!

Лех вскинул голову. Девчонка сидела возле него на пеньке и деловито разматывала опутывавшую ей руки веревку.

– Ты… как здесь? – пробормотал Лех, пытаясь нащупать в кармане пистолет.

Пистолета не было.

– Кто тебя развязал?

– Да вот, она, – Белка небрежно мотнула головой в сторону.

Лех обернулся и замер. Через болото, шлепая босыми ногами по грязи, шла не спеша… Белка. Точно такая же девчонка. Нет – та же самая! И еще, за чахлыми стволами плаунов, мелькал такой же застиранный сарафанишко. И еще – под деревьями, на том берегу…

Лех закрыл глаза.

– Этого не может быть! У меня галлюцинация!

– Кто ж спорит, – легко согласилась девчонка. – Типичная галлюцинация. Весь поселок у нас такой – одни галлюцинации. Настоящих-то я поела. Жадные они, скучно с ними.

Лех в ужасе пытался сползти обратно в болото, но руки и ноги без толку скользили на одном месте.

– Кто ты?!

– Да ты уж сам понял, – сказала Макабра. – Колония простейших, как говорил господин полковник, царствие ему… Но теперь все, с простотой покончено. На Землю полечу как особый агент Лех Зееман, выпускник Гарварда, кавалер Ордена Бани… и все такое прочее. Вот там разгуляюсь! Так что давай, дорогой…

Она развязала полотняный мешочек и высыпала на ладонь горсть золотистых комочков.

– Подкрепись перед дорогой!

– Зачем… это? – голос Леха плаксиво дрогнул.

– А затем, что без Приправы вы – невкусные!

2013 г.

Московский охотник

* * *

«…Проволочная петля ставится на свежей тропе, на уровне головы зверька, маскируется травой или снегом внатруску. Как правило, зверек, попав в петлю, не способен освободиться самостоятельно. Он тянет прочь, бросается в разные стороны, но тем лишь наматывает проволоку на колышек или деревце, у которого она закреплена, и часто удушает сам себя. Поднять тушку следует не позже, чем через сутки, иначе ее попортят падальщики или нежданная оттепель…»
(Л.П. Савватеев. «Наставление московскому охотнику»)

Саня вышел из метро под дождь. Не обманули, сволочи! Еще на перроне насторожил его встречный дядька, лезущий в вагон с незачехленным зонтом в руке. А уж на эскалаторе, где чуть не каждый бегущий навстречу остервенело тряс мокрым пучком, рассыпая водяные искры, стало окончательно ясно – выходить придется в ледяную мерзость, что в Москве зовется «дождь со снегом».

Саня поднял воротник куртки и заранее нахохлился – втянул голову в плечи, козырек кепки надвинул на глаза. Эх, жизнь коммивояжерская! По грязи, по холоду беги туда, где не ждут. А там – пой, пляши и унижайся. Чаще всего без толку.

Хреновый, однако, из меня вояжёр, подумал Саня. Воя много, а на жор не хватает…

Дождь со снегом не подвел – ударил в лицо сразу за дверью. У ларьков, пестрящих разноцветными пивными этикетками, стойко топтались до блеска вымокшие мужички с початыми бутылками. Казалось, они как зачалились тут с лета, так и не придумали себе другого занятия, по сезону. Саня вздохнул не без зависти, но твердо прошагал мимо. Холодно. И некогда. И некстати сейчас будет на клиента перегаром дышать. Да и денег-то кот наплакал…

Миновав пивной киоск и обогнув табачный, Саня нырнул в знакомую дыру между ним и витриной цветочного аквариума. За сияющим стеклом извивались хвосты лиан, и жадные зевы насекомоядных орхидей ожидали денежной жертвы. Снег, секущий стекло, разлетался горячими брызгами.

С разгону Саня влетел было в штабель пивных ящиков, но вовремя осадил, не порушив пирамиды, принял вправо, перепрыгнул торчащий из асфальта гидрант, шарахнулся от спокойной, сытой крысы, обходящей владения вечерним дозором, снова повернул, перешагнул, пролез… и оказался перед выходом из метро.

Что за черт? Где-то свернул не туда. Мужички у пивного ларька посмотрели на Саню без интереса и отхлебнули.

А, может, это судьба? Постоять минут десять тут с мужиками, сладко потягивая пивко? Совсем ведь забегался, в трех будках заблудился…

Нет!

Саня мотнул головой, стряхивая наваждение. Сегодня надо обойти еще пяток контор, как минимум. А рабочий день кончается. Прокайфуешь тут с бутылкой и никого не застанешь. Вперед! Волка ноги кормят!

Он решительно влился в поток граждан, выходящих из метро, и двинулся в общем строю – с народом не заблудишься. От метро в дальнейшее пространство вела широкая полоса взбитой ногами грязи, отчетливо чернеющая меж убеленных трав газона.

Промесив вместе со всеми метров тридцать, Саня почувствовал, что выдыхается. Граждане шли споро, широко отмахивая руками, даже старушки с сумками на колесиках бодрячком змеили узкоколейные следы, а ему под ноги то и дело лезли какие-то рытвины да комки, кирпичные половинки, торчащие гвозди и прочие знаки препинания. Саня начал отставать. Тут еще на пути попался открытый канализационный люк, пришлось взять левее, сойти с народной тропы, по шаткой доске перебраться через черную, как провал, лужу, глотающую снег без остатка, даже свет фонарей не отражался в тягучей гуще.

Впереди открылся проходной двор, тесный от гаражей-ракушек. Плутая среди них, Саня старался поворачивать каждый раз направо, чтобы вернуться на оставленную дорогу. Наконец, гаражи кончились, в темноте обозначился узкий проход между домами. Тут уж не ошибешься – идти больше некуда. Саня наддал, живо прошлепал слякотным коридором, стиснутым с двух сторон глухими стенами… и вышел к метро.

Цветочный павильон издевательски помахал ему сквозь витрину пальмовой пятерней. Пивной киоск лучезарно улыбнулся во все свои желтые бутылочные зубы. Мужики возле киоска перепархивали с места на место, как пташки, кормящиеся у туши блохастого слона.

Сволочи, справедливо подумал про них Саня. Не дождетесь!

Он развернулся и почти бегом бросился в противоположную сторону, в глубине души уже понимая, что все напрасно, никуда ему не убежать, не уйти, не уползти с этого пятачка перед выходом из метро. Но бежать необходимо, потому что если не убраться отсюда вовремя, случится что-то очень нехорошее…

Через полчаса Саня выдохся. Пытаясь унять колокольный бой сердца, он оперся на узенький прилавочек пивного киоска, так и не отпустившего его от себя. Прилавочек, запорошенный снегом, был покрыт круглыми отпечатками пивных донышек, как цепочкой следов. Следы вели в черный провал окошка, словно в нору затаившегося зверя.

– Ну, чего тормозим? – сварливо проскрипел бомжеватый старичок, подстерегавший стеклотару за углом киоска. – Денег, что ли, жалко? Мне тут тоже не фруктовый йогурт – жопу морозить! Бери Болтик-девятку! Не допьешь – дедушку угостишь…

Старичок уковылял дальше, агитировать неторопливых прихлебателей «Золотой бочки», а Саня вдруг почувствовал себя немного лучше. По крайней мере, одышливая бездумная истерика сменилась неким подобием мысли.

А что, в самом деле, подумал Саня, не глотнуть ли пивка? Ясно ведь, что работе на сегодня кранты. Боком она выходит, эта работа. Загонял сам себя, как зайца по кустам, аж в глазах мельтешит. Постоять нужно, охладиться, поразмыслить неторопливо – может и отпустит.

Он сунул руку в карман и выгреб небогатые свои финансы.

М-да.

Сумма не для бизнеса. На мобильник, и то не положишь – засмеют. А вот на пиво – в самый раз.

Саня шагнул к окошку, сунул деньги в темноту и с запинкой вымолвил:

– Козёл!

В пивных киосках на это слово не обижаются, а протягивают в ответ бутылку Велкопоповицкого Козела, сваренного в Калуге. Но Саня не дождался бутылки. Что-то мягко и липко обернулось вокруг его руки по самый локоть и настойчиво потянуло внутрь.

– Э! Чего?! – испугался Саня.

Он уперся в стекло другой рукой и жалобно оглянулся на мужиков, стоявших совсем рядом.

– Кто это там чудит?

Мужики молча смотрели на него со спокойной печалью в глазах. Глаза были какие-то одинаковые у всех. И сами мужики, если не считать легкой разницы в сортах пива, были одинаковые. Скучные, пустые, словно бы выцветшие на холоде лица…

Ужас вдруг захлестнул Саню. Он понял. Это были не настоящие мужики. Вон и веревочка тянулась от одного к другому, связывая их пучками по несколько человек, для удобства забрасывания. Это были чучела!

Бомжеватый старичок все ходил от пучка к пучку, деловито покрякивая, вступая даже порой в разговор, но не получал ни одной пустой бутылки. От его валенка к ларьку тянулась тоненькая цепь-ногавка. Старичок был подсадной!

Саня заплакал, забился, упираясь в край окошка лбом, коленками, цепляясь зубами и ногтями за последние мгновения жизни… но сидящая во тьме сила легко смяла, сломала его и втянула внутрь – свежевать…

* * *

«… Охота с поросенком производится в тихие и лунные ночи. Охотники в числе двух-трех человек садятся с ружьями в крестьянские розвальни и ездят по проселочным дорогам, приманивая зверя криком взятого с собой поросенка, которого заставляют визжать. Чтобы увлечь зверя погоней за поросенком, используют потаск – пахучий мешок, набитый сеном и падалью…»
(Л.П. Савватеев. «Наставление московскому охотнику»)

С девушками Аркаша был не робок, нет. Чего там робеть, когда ты уже с девушкой? Все ясно и понятно – хохмочки, комплименты, цветы, мороженое, коктейли, коньяк в теплых ладонях. Порывистый поцелуй, игривый, словно в шутку. Но в каждой шутке, ты же понимаешь? Потом второй, обнажающий подлинные чувства. А рука уже касается мимоходом застежек и пуговок. Может, ко мне? Я тут недалеко. И дальше, по плану, как по маслу.

Но все это хорошо, когда вы уже непринужденно болтаете с девушкой. Куда сложнее преодолеть грань между полным незнакомством и непринужденной болтовней. Вот, к примеру, идет по улице девушка. Симпатичная. Красивая даже. В общем, вполне подходящая. И что? Приставать к ней с дурацкими вопросами? Как пройти в библиотеку? Где находится нофелет? Верх идиотизма! Какая-то, может, и клюнет – всякое, говорят, бывает. Но на фига нам, спрашивается, девушка, клюющая на подобные пошлости? Замкнутый круг получается. На примитивное хамство ловить не желаем, а на изящную романтическую комбинацию таланта не хватает.

Нет, вообще-то способности к изящному романтизму у Аркаши были, но в самый ответственный момент, когда нужно подойти и познакомиться, почему-то пропадали. Заклинивало парня насмерть, так что рта не мог раскрыть, хоть ломик просовывай меж зубами и отжимай. Так бы и мучился человек всю жизнь, да помог случай.

Аркаша и сам не знал, для чего забрел в этот клубешник на окраине чужого района, носивший понятное даже для непосвященного в историю кинематографа название «Ангар-18». А чего тут не понять? Ангар и есть – гулкая пустота под высоким, исчерченным балками потолком, и в этой пустоте реактивным рыком взревывают колонки моторизованого ди-джея. Из прочих механизмов в глаза бросались две почти голенькие девчонки в редких заклепках, раскачивающие сцену синхронными плясками живота. К девчонкам пока никто не присоединялся и не приставал – народ еще не разогрелся.

Аркаша сразу направился к сияющей горячительными призывами стойке бара, поскольку знал по опыту, что на трезвую голову ему, с его талантом к общению, ловить

нечего. Оно, правда, и на нетрезвую не особо полегчает, но накатить надо. По крайней мере, не будешь краснеть при каждой встрече взглядом с заводными местными девчонками.

Итак, что мы будем пить? Лучше всего, конечно, жахнуть водки – дешево, и горе забудешь, как говорил классик. Но неудобно. Все же тут не рюмочная для работяг, а ночной клуб. В клубе принято употреблять экзотические коктейли с воинственными названиями, вроде «Б-52» или «Немец в небе».

А! Вот хорошая штука, модная и забористая – абсент.

Аркаша загасил объятый ненужным пламенем сахарок, отложил дырявую ложку, отхлебнул из стаканчика. Ну вот, теперь дело пойдет.

Абсент еще кипел в пищеводе, а мир вокруг уже начал меняться. Сначала почти незаметно – просто музыка зазвучала мягче, гигантский бубен хип-хопа перестал наносить боксерские удары в ухо и принялся мягко массировать печень. Краски же, наоборот, стали ярче, заиграли на глянцевитых девичьих прелестях, затянутых в сетку и лайкру.

Аркаша с удовлетворением обвел сумеречный зал цепким взглядом. Публики заметно прибавилось, танцы разгорались. Тут есть, из кого выбрать, как можно циничнее подумал он, будто именно в этом заключалась основная проблема. В принципе, все было, как всегда. Девочки плясали, мальчики пили. На Аркашу никто особого внимания не обращал. Можно было пойти, подрыгаться в общей куче. Законы клубных скачек строги, но не обязательны к исполнению. Вроде бы все приходят компаниями, но это вовсе не значит, что ты не можешь явиться с одной компанией, а отбыть с другой. Если тебя туда примут. Или не найдут весомых аргументов, чтобы не принять. А может быть, кто знает, найдется и та, единственная, ради которой ты пришел. Которая пришла ради тебя. И тогда вообще все и всяческие коллективные законы рухнут, и в силу вступит один – самый главный, регулирующий принципиально нерегулируемые отношения между мной и тобой.

Впрочем, Аркаша не обольщался. Уже не раз совершал он подобные лихие налеты на ночные клубы, пробовал начать знакомство и с подогревом, и без, но все попытки кончались одинаково – ничем. Вот и теперь…

Рядом с ним у стойки присела рыженькая, худенькая, немного конопатая, но в целом – очень даже ничего. Аркаша обреченно вздохнул. Ну, три-четыре – начали, сказал он про себя и повернулся к девушке.

Ох. А что же ей сказать? Только что, вроде, были заготовлены слова, да куда-то подевались. Но отступать поздно, она уже смотрит на него, потягивая через трубочку зеленый коктейль.

– Мохито? – спросил Аркаша, кивнув на бокал.

Рыженькая не ответила.

– Напоминает банный веник, замоченный в кипятке, – Аркаша натужно хохотнул, но ответной улыбки не дождался, – в смысле – по виду. И по запаху.

Девушка отвернулась.

– Я к тому, что… не предложить ли мне вам… нам… с вами… чего-нибудь более…

– Дайте «Вог»! – сказала рыженькая бармену и, забрав сигареты, отошла от стойки.

Аркаша пожал плечами. Вот так всегда. В лучшем случае – брезгливое удивление, и в любом случае – отказ. Один раз только ему попалась девица, согласная выпить с кем и чего угодно. Правда, Аркашу она принимала за двоюродную сестру, поскольку никак не могла сфокусироваться. Но набежавшие друзья быстро увели ее и положили отдохнуть в тихом уголке под мегаваттной колонкой.

Танцевать Аркаша не пошел. Не созрел еще. После второй, разве что. А пока неплохо бы осмотреться, узнать, что тут еще есть, в этом ангаре. Он заказал себе новую дозу абсента и, согревая стаканчик в руке, двинулся на обход вверенного подразделения.

На антресолях в два этажа, сваренных из труб и тавров, располагалась местная ресторация. Там сидела публика потяжелее и кошельком, и челюстью. Сидела крепко, законно занимая столы мореного дерева. Только девушки и официанты с подносами легко порхали по ступеням металлической лестницы, ведущей на второй ярус. Аркаше там нечего было делать, он прошелся вдоль нижнего яруса, приподнятого над бетонным полом ангара всего на дамский каблучок, как бы выискивая взглядом знакомых, хотя знал надежно, что знакомых тут быть не может. Чужой район, чужая жизнь…

И вдруг чья-то рука опустилась на его плечо.

– Арканя! Ты как тут?!

Аркаша обернулся. Перед ним стоял совершенно незнакомый тип неопределенных, но, видимо, близких лет, одетый, по нынешней моде, в лоскуты пестрой обтрепанной ткани. Раньше так шили костюм волка или барбоса для детских утренников. Впечатление усиливал ошейник со стразиками, заменявший незнакомому типу галстук, а особенно его физиономия, по-собачьи вытянутая, заостренная к носу, со щеками, чуть провисшими на манер брыльев, и поросшими, к тому же, редкой щетинистой бороденкой.

Этакой физиономии Аркаша, хоть убей, не помнил. Но подошедший, нисколько не смущаясь его недоумением, продолжал толкать в бок, хлопать по плечу, тыкать пальцем в живот – в общем всячески демонстрировал закадычное знакомство.

А черт его знает, подумал Аркаша. Может, и правда, знакомый. Мало ли?

Откуда-то из мертвых болот памяти вынырнуло, как на заказ, имя: Мартын. Ни к чему оно не было привязано, и меньше всего к этой собачьей физиономии, разве что служило кличкой какому-то реальному псу, знакомому в детстве, но что-то заставило Аркашу спросить:

– Мартын, что ли?

– Нет, блин, Гарри Похрен! – расхохатался уже несомненный Мартын. – Ну, ты даешь, Арканя! Мозги горошком прихватило? Совсем меня не помнишь?

– Да помню я! – на всякий случай сказал Аркаша. – Не узнал сразу. Изменился ты…

– На себя посмотри! – веселился Мартын. – Нагулял загривок! Я тебя только по ушам и вычислил, а так бы сроду не узнал! Что за мрачная рожа? С женой поругался?

– Да я не женат, – Аркаша вздохнул.

– А-а! То-то я смотрю, глазенки голодные! Девочку ищешь? – Мартын понимающе хохотнул. – Так ты жахни чего-нибудь – и вперед!

Аркаша невольно разулыбался ему в ответ.

– Тем и занимаюсь!

– Что это ты пьешь? – строго спросил Мартын, заглядывая в аркашин стаканчик. – Абсент? Фу! Отрава! Пойдем, накатим настоящего бухла!

Он повлек Аркашу за стол, где уже сидели двое друзей Мартына – мрачные, неразговорчивые мужики, прячущие лица в пивных кружках.

– Ну-ка, давай вот этого глотни! – Мартын схватил со стола темную полупрозрачную баклажку с цветной этикеткой, исписанной угловатыми иероглифами.

– Это еще что за микстура? – Аркаша недоверчиво смотрел, как тягучая жидкость цвета жженого меда заполняет стакан. От напитка повеяло горьким травяным дымком.

– Тибетская водка, – сообщил Мартын, нацеживая стаканчик и себе. – Лучшее средство от одиночества!

– Не… я незнакомого не пью, – стал отказываться Аркаша. – Намешаешь, потом развезет…

Но Мартын уже сунул теплый стакан ему в руку.

– Кого развезет, тому и повезет! Не боись, проверено на кроликах. Сам себя не узнаешь, такой будешь самец!

Аркаша горько усмехнулся. Чего только не наговорят поддатые друзья, лишь бы не пить в одиночку…

Они чокнулись.

– Ваше здоровье, – обратился Аркаша к угрюмым соседям по столу.

Те, не отрываясь, от кружек, пропузырили что-то в ответ.

– За удачную охоту! – заключил Мартын.

Аркаша осторожно попробовал напиток. Ничего особенного. Вискарь, отягощенный ликером. Идет мягко и ацетоном не шибает, не то, что рисовая китайская. Он запрокинул голову и вылил остатки жидкости прямо в горло, чего ее смаковать?

– Вот это было жахнуто! – с уважением сказал Мартын. – Сразу видно – профессионал!

Стакан Мартына был пуст. Когда он успел выпить, Аркаша не заметил.

– Да и ты, я смотрю, орел.

– Пустяки, – небрежно бросил Мартын, – морсик!.. Ну и чего сидишь?

– А что, по второй? – Аркаша пододвинул к нему стакан.

– Ты зачем пришел сюда? – строго спросил Мартын. – Водку пить или делом заниматься? Пока не выдохлось – шагай!

– Куда? – не сразу понял Аркаша.

– Не тупи! – Мартын погрозил ему кулаком. – Иди, танцуй, говорю. Да не бойся, лезь в самую гущу!

– И что будет? – Аркаша все не мог понять, шутит друг, или говорит серьезно.

Оба спутника Мартына вдруг встали и, ни слова не сказав, направились к выходу. Аркаша так и не сумел разглядеть их лиц.

– Давай, давай, – Мартын вытащил его из-за стола и нервно подталкивал в спину. – Видишь, люди ждут!

– Люди?

– Ну, в смысле – девчонки. Да иди же ты!

Аркаша чуть не упал, выброшенный на танцпол, как ему показалось, пинком под зад. Он врезался в толпу танцующих и повис на чьем-то плече. Его отпихнули, но необидно, с пониманием.

– Извиняюсь, – сказал Аркаша неизвестно кому.

В грохоте музыки он и сам себя не расслышал. Кругом плясали, обнимались, орали что-то друг другу на ухо. На него по-прежнему никто не обращал внимания, и никакого прилива храбрости Аркаша не испытывал. Глупо получилось. Дать бы этому Мартыну в ухо, чтобы не издевался над старым другом.

Но стоять столбом посреди танцующей толпы было еще глупее. Аркаша начал топтаться на месте, изображая некое подобие танца. Никогда он особым мастерством в этом деле не отличался, да и наплевать. Подрыгаться для виду минут пять – и домой. Хватит на сегодня сексуальных экспериментов…

В глаза вдруг ударил прожекторный луч, мощный саунд в колонках поперхнулся фанфарным аккордом и укатил куда-то вдаль.

– А вот и он! – прогремел в наступившей было тишине тысячекратно усиленный голос. – Вот он, наш давно обещанный сюрприз!

Голос был знакомым. Аркаша с удивлением посмотрел на сцену. Там, в сиянии собственного ошейника стоял Мартын с микрофоном в руке.

– Девчонки, вы попали! – профессионально завывал он. – У нас в гостях супер-пупер-мега-секс-идол! В представлениях нет нужды, вы, конечно, узнали этого парня! Звезда реалити-шоу и телефабрик, первый любовник и последний герой! Поприветствуем его!

Аркаша вдруг почувствовал на себе взгляд толпы. Никто уже не смотрел на сцену, все головы повернулись к нему. Пол качнулся, подкатил тошный испуг, как при попадании в

воздушную яму. Прожектор вцепился в него, отбрасывая окружающих в темноту. Аркаша хотел было отступить, нырнуть в людскую гущу, укрыться – ведь не о нем же, в самом деле, грохочет этот голос в колонках – но пятачок пустого пространства повсюду следовал за ним, кутая в мягкий кокон света.

– Да нет, это он шутит, – бормотал Аркаша едва слышно, – розыгрыш такой… подстава…

– Ну, что ты там мечешься, скромняга? – интимно шепнул Мартын на весь ангар. – Лезь на сцену, а то затопчут!

И сейчас же за спинами ахнул нежный голосок:

– Ой, девочки! И правда – он!

Толпа колыхнулась. Мужчин оттирали вглубь, забелели коленки, блеснули губы, потянулись наманикюренные коготки…

Аркаша бросился к сцене. Толпа девчонок смыкалась позади него, настигая. Мартын протянул ему руку и вытащил наверх. Девичья масса с визгом ударилась о подмостки, плеснув на рампу волной терпкого запаха духов.

– Спокойно, дамы! – веселился Мартын. – Звезда сама выберет себе партнершу на белый танец!

– Илюша! Троллик мой ласковый! – взмолился низкий девический голос.

– Димочка! Забери меня отсюда! – заверещал высокий.

– Май! Я здесь! – вопили сразу с нескольких сторон.

Что за черт, страдал Аркаша, глядя в россыпь безумных глаз. За кого они меня принимают? И что это за странные духи? Пахнет, будто жженым медом…

До него вдруг дошло. Пахло от него самого. Мартыновской чудесной водкой на травах, с дымком. И запах становился все резче, почти видимой пеленой стекал в зал, туманя мозги и застилая глаза. По сцене запрыгали мягкие комочки, девчонки бросали пушистых медвежат и зайчиков – брелки со своих рюкзачков, мобильники в меховых чехольчиках, цепочки и сережки. В лицо Аркаше ударил легкий тряпичный пучок. Он подхватил его и рассмотрел. Какие-то кружевные тесемочки, сшитые друг с другом полукольцами.

– Чего это? – растерянно спросил Аркаша.

– Чего, чего! Трусы! – прошипел Мартын мимо микрофона. – Линять отсюда надо, сейчас ломанутся!

Он сгреб Аркашу в охапку и потащил его за диджейский пульт. Здесь обнаружилась низенькая дверца, ведущая за сцену. Дверца была открыта, за ней маячила фигура одного из неразговорчивых мартыновых друганов.

– Лезь туда! Живо! – скомандовал Мартын.

Аркаша не упирался, его подгонял ураганно нарастающий вой и хруст ломаемой рампы.

Втроем они пробежали темными захламленными коридорами и оказались у запасного выхода. Во дворе взрыкивал мотором широченный «Хаммер» с открытым кузовом. Молчаливый сейчас же полез в кабину, где обнаружился и второй, а также водитель, напряженно вцепившийся в руль и даже не повернувший головы.

– Быстро в машину! – гаркнул Мартын на бегу.

– Ты чем меня напоил, скотина?! – уперся Аркаша.

– Потом! Потом объясню! Поехали!

– Ну уж нет! – Аркаша безуспешно пытался оторвать его цепкую лапу от своего рукава. – Я домой пойду!

Мартын неприятно оскалил крупные зубы.

– Дурак! Пешком не уйдешь! Порвут!

Где-то позади уже слышался дробный топот погони.

– А, ч-черт… – Аркаша с трудом перевалился через борт «Хаммера» и, больно ударившись коленом, упал на дно кузова. Рядом мягко приземлился Мартын. «Хаммер» урчал на повышенных оборотах, но не двигался с места.

– Трогай, трогай! – прошипел Аркаша, потирая колено. – Чего ждем?!

Но водитель сидел, будто неживой. Двое друганов спокойно перекладывали на сидении какие-то металлические коробки.

– Сейчас, сейчас, – успокаивал Мартын, – без команды нельзя…

– Без какой команды? – не понял Аркаша. – Ты же сам говорил – порвут…

И тут один из сидевших в кабине, не оборачиваясь, громко произнес:

– Мухтар! Голос!

Мухтар?!

Аркаша изумленно уставился на Мартына. Мать честная! А ведь точно! Никакой он не Мартын! Мухтаром его зовут! Помнилось же, что собачья кличка! И морда совершенно псиная! Как можно было перепутать?

Мухтар снова оскалился, вывалил плоский слюнявый язык, но вместо того, чтобы подать голос, вдруг впился зубами в плечо Аркаши, так что тот заорал от боли.

– Ты что, сдурел?! Отцепись!

Свободной рукой он неловко, без замаха, бил Мухтара по голове, по шее, по носу, но тот лишь жмурился, хрипло рыча, и ничуть не ослаблял хватки.

Дверь клуба распахнулась, и на крыльце появились несколько растрепанных девиц.

– Вот ты где! – истерически завопила одна из них. – Андрюшенька мой!

Сейчас же из ангара посыпалась все пребывающая толпа.

– Пора, – спокойно сказал один из друганов… нет, один из хозяев Мухтара. – Трогай!

«Хаммер» рванул с места и, постепенно ускоряясь, покатил по дворам. Толпа девушек бежала за ним, быстро разрастаясь, теряя каблуки и сумочки, срывая тесную одежду, подминая и топча упавших. Аркаша плакал от боли и страха, глядя в эти безумные глаза. Он пытался вырваться, но Мухтар крепко держал его зубами, порой же нарочно нажимал еще сильнее, чтобы Аркаша кричал и бился в кузове. Толпа тогда сразу густела и ускоряла бег.

Жилой квартал кончился, «Хаммер» вырулил в поле и запрыгал по кочкам. Он походил на комету с огромным хвостом. Двое молчаливых в кабине поднялись во весь рост, откинув крышку люка, будто хотели полюбоваться погоней. Аркаша, наконец, смог рассмотреть их лица. Он закричал в ужасе, визгливо и протяжно, как поросенок, назначенный на стол, но железо в руках Охотников выплюнуло в толпу первый залп, и вопли его стали не слышны…

* * *

«…При малом числе охотников наиболее добычлива охота с флажками. Осторожный зверь, подгоняемый криками облавы, не решается уйти за флажки и выходит прямо на номера, расставленные распорядителем охоты в разрывах линии флажков…»
(Л.П. Савватеев. «Наставление московскому охотнику»)

Мы шли вниз по многолюдной Тверской, вглядываясь в озаренные теплым светом лица встречных девушек. Отблески разноцветной рекламы добавляли в макияж карнавальных оттенков, отчего девушки казались красивыми. Было очень холодно, люди за стеклами кафе грели руки, обхватив чашечки с огненным кофе. Нам, обитателям тротуара, при взгляде на них становилось совсем зябко.

– Может, зайдем, жахнем по наперстку? – предложил я.

– А смысл? – Вовка с отвращением бросил окурок под копыта прогулочной лошади, всем своим унылым видом зазывавшей гостей столицы покататься на ней, кто сколько может.

– Холодно, – пожаловался я. – Жрать охота.

Лошадь вздохнула с пониманием.

– Ну а я тебя куда веду?! – Вовка глянул на меня, как на последнего приезжего, хотя я жил в Москве уже месяца три. – Не здесь же сидеть, бурдой давиться! Потерпи до Охотного! Там ростикс-шмостикс – хрустящая курочка, крошка-картошка, клинское, туборг – нормальная еда. А тут что? За пятьсот кровных получишь только суши да от мертвого осла уши!

Я не спорил. Спорить с голодным Вовкой бесполезно, в такие моменты в нем просыпается инстинкт Сусанина – он начинает водить знакомых по каким-то экзотическим и, якобы, сказочно дешевым кабакам. За их счет. Лучше помалкивать и шагать, пока он мирно настроен на фастфуд.

Мы прибавили ходу, обгоняя сытых иностранцев в солдатских ушанках. Иностранцы никуда не спешили, за углом их наверняка ждал теплый автобус, поэтому они с удовольствием любовались разгорающимися впереди кремлевскими звездами.

По мере приближения к Охотному Ряду, толпа быстро густела. Мы уже не могли никого обогнать, двигались в плотной колонне людей, как на демонстрации. Мне даже показалось что впереди над толпой развеваются флаги.

– А, черт! – Вовка сплюнул. – Опять у них мероприятие! Перегородили все, хрен пролезешь!

Подземный переход, ведущий к цели нашего путешествия – универмагу «Охотный ряд» – был перечеркнут красно-белой милицейской лентой. За ней стояли угрюмые омоновцы с дубинками, под взглядом которых толпа сама собою сворачивала налево, к Госдуме, и попадала в узкий коридор между двумя рядами металлических оград, где ее живым галопом прогоняли в направлении Большого Театра. Общий поток втянул и нас.

– А куда мы идем-то? – спросил я на бегу. – Нам же в другую сторону!

– Да ладно, – запыхаясь, отмахнулся Вовка. – Перейдем у Большого и вернемся через Площадь Революции.

Но переход возле театра тоже оказался перегорожен пестрой лентой, как и поворот на Петровку. Колонна, не имея возможности свернуть ни влево, ни вправо, медленно поднималась к Лубянке.

– Нормально, – сказал Вовка, когда мы поравнялись с Детским Миром, – Кажись, загибаемся к Политехническому.

– Я так точно уже загибаюсь! Сколько можно бродить по морозу?!

– Не ной! – Вовка поднял воротник пальто. – Свернем на Никольскую и пойдем в ГУМ. Там, кстати, тоже фастфудовок немеряно, а народу меньше.

В конце Театрального проезда длинная шеренга конных милиционеров прегораживала путь колонне, заставляя ее поворачивать направо. Широкая змея, изогнувшись, текла в сторону Старой площади. Навзрыд плакал чей-то вконец вымотанный ребенок, пожилой мужчина остановился, держась за сердце, его толкнули в спину, и он заковылял дальше.

Я понял, что на Никольскую нам не свернуть – колонна упорно ползла вперед, ничуть не сужаясь и не разбиваясь на рукава. Никольская, как и все последующие переулки, была заперта красно-белой лентой.

– Да ну их в задницу! – не выдержал, наконец, Вовка. – Задрали со своими праздниками! Хоть вообще в центр не выезжай!

– Чего делать-то будем? – спросил я.

– А чего тут делать? Пошли в метро – и домой. Колбасы по пути купим. Водки.

Мы стали выбираться из колонны ко входу на «Лубянскую». Туда же сворачивали многие шедшие с нами. Перед входом толпа становилась гуще, и я не сразу заметил линейку милиционеров, пропускавших людей внутрь по одному и неохотно.

– Документики готовим, граждане! – зычно воззвал сержант. – Регистрацию в развернутом виде!

Вовка вдруг резко осадил и, пихаясь локтями, полез назад.

– Чего ты? – спросил я.

– Да просроченная у меня регистрация, – буркнул он. – Прицепятся – не отвяжешься. Лучше обойти…

Я вспомнил, что у меня-то и вовсе никакой регистрации нет, и полез сквозь толпу следом за Вовкой.

Мы медленно брели в гуще колонны мимо Политехнического музея. Какой-то дедок залез на водосточную трубу и, размахивая красным знаменем с надписью «Будьте готовы!» пытался затянуть «Родина слышит, Родина знает…», но его быстро сняли и увели.

– Кажется, я понял, – сказал Вовка. – На Васильевский спуск идем. Видишь, на Ильинку сворачиваем?

– Зачем нам на Васильевский спуск? – слабо отозвался я.

Ноги мои гудели от усталости, а уши нехорошо онемели от холода.

– Нам-то не надо, – согласился Вовка, – а весь народ туда валит. Не то на концерт, не то – на митинг.

– Какой концерт в такую морозяку?! – простонал я.

– Не знаю. Может, Пол Маккартни опять приехал. Или этот, голубой на рояле… Блин! Забыл фамилию.

– Меня сейчас другое беспокоит, – я потрогал уши ледяными пальцами, – выбраться оттуда можно?

– Элементарно! – кивнул Вовка. – Через мост – и на Третьяковскую. Если пустят…

Некоторое время мы молча брели по Ильинке. Разговоры в толпе стихли, люди шли понуро, едва переставляя ноги, как на похоронах. И вдруг далеко позади раздался басовитый кашель моторов, от нарастающего рева задрожали стекла в домах.

– Ни фига себе! – удивился Вовка. – Техника подходит! Это что же, парад будет?

Народ тревожно оглядывался назад. Там, в начале улицы, метались лучи прожекторов, поднимались выхлопные дымы. Сзади вдруг стали напирать, появились бегущие люди, меня чуть не сшибли с ног.

– Бэтээры идут! – крикнул кто-то.

Толпа дрогнула и разом побежала. Рискуя полететь кувырком, я все же оглянулся на бегу и увидел шеренгу бронетранспортеров, развернувшуюся во всю ширину улицы. Они быстро, ужасающе быстро приближались, подгоняя бегущих тигриным всхрапыванием дизелей.

Вовка где-то потерялся, наверное, убежал далеко вперед. Я рванул за ним, мимо белых колонн Биржи, мимо арок Гостиного Двора, заботливо отгороженных от толпы страшными красно-белыми полосами. Колонны больше не было, клубящейся, отчаянной кучей мы вырвались на площадь и рассыпались во все стороны, не видя еще, куда бежим, так как свет прожекторов на зубчатой стене бил нам прямо в глаза.

И тут раздались выстрелы. Человек, бежавший передо мной, вдруг упал на колени, поцеловал землю и, неприятно дернувшись, затих. Рядом свалился другой. Кто-то катался по булыжной мостовой, визжа, как заяц. Впереди коротко вспыхивали огоньки, сопровождаемые раскатистыми хлопками и стонущими рикошетами пуль. Огоньки располагались цепью на равных расстояниях друг от друга, в разрывах красно-белой ленты, опоясывающей площадь. Совсем как охотники на номерах, подумал я и упал, запнувшись о лежащее на брус-

чатке тело. Прямо перед собой я увидел широко раскрытые глаза Вовки. Он лежал на боку и, казалось, пытался лизнуть булыжник окровавленным, неправдоподобно длинным языком.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.